ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1991

РЕЦЕНЗИИ

Щербак А. М. **Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Наречие, служебные части речи, изобразительные слова).** Л.: Наука, 1987. 152 с

Как сообщается в предисловии, рецензируемая книга — «очередной том начатой в 60-е годы сравнительной грамматики тюркских языков» (с. 3). До нее из печати вышло три тома: один — по фонетике и два — по морфологии («очерки», посвященные соответственно имени и глаголу) [1—3]. Судя по подзаголовку и структуре, во вновь вышедшем томе завершается описание морфологии; сюда же входят стоящие особняком и в других грамматических исследованиях изобразительные слова.

Характеризуя применяемые им исследовательские приемы, А. М. Щербак не случайно уделяет внимание проблеме «правомерности сравнительного исследования тюркских языков традиционными приемами и в традиционном составе» (с. 3), возражая высказываниям, согласно которым реконструкция строя тюркских языков возможна только исходя из «алтайских» материалов. Нам представляются весьма существенными возражения исследователя, уделявшего и уделяющего немалое внимание проверке правомочности алтайской гипотезы, каковая, по мнению А. М. Щербака, не стала инструментом анализа языков тюркской семьи. Необходимо прислушаться и к такому его высказыванию: «Нельзя назвать ни одного даже частного вопроса тюркологии, который был бы решен исходя из „алтайских" материалов» (с. 5).

Рассматриваемый том в хорошем смысле традиционен и в том плане, что он, как и предшествующие ему тома, базируется на исчерпывающем или очень близком к нему анализе научных работ по частным вопросам тюркской грамматики и что автором привлекается, кроме того, и очень значительный дополнительный фактический материал, с учетом которого нередко предлагается свое решение спорных вопросов. Основные выводы исследования достаточно обоснованы и не вызывают сомнения (это следует сказать, в частности, о соотношении грамматической и лексической семантики в служебных словах). Работа А. М. Щербака является обобщающим монографическим (несмотря на скромное название «Очерки...») исследованием в полном смысле слова. Более высокий уровень и полнота сравнительного изучения рассматриваемых в ней категорий тюркских языков, пожалуй, труднодостижимы в настоящее время. Во всяком случае, в морфологическом томе коллективной сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, также недавно увидевшем свет [4], разделы, соответствующие разделам рецензируемой работы А. М. Щербака, заметно уступают последней по масштабам и степени полноты.

Определяя в предисловии специфику предмета изучения, А. М. Щербак констатирует, что поскольку рассматриваемые им в этом томе части речи образовались в значительной мере довольно поздно на основе имени и глагола, то «...сравнение наречий и служебных слов само по себе не дает надежных конечных реконструкций: восстанавливаются или, лучше сказать, о п о з н а ю т с я (разрядка наша.— *Т. Б.*) те именные и глагольные формы, которые в разной степени утратили свою самостоятельность и подверглись обособлению. Сравнение наречий и служебных слов не предполагает также реконструкции общетюркских наречных и служебных праформ...» (с. 3).

В основном же тексте работы встречаются высказывания типа того, что «основной целью сравнительного изучения послелогов, как и других частей речи, является реконструкция архетипов (т. е. тех же праформ.— *Т. Б.*) и прослеживание их развития вплоть до современного состояния...» (с. 62), а это не согласуется с положением, приводимым выше.

Между тем именно последнее высказывание выглядит более обоснованным, поскольку в ряде случаев как раз «опознание» глагольных или именных форм, к которым могут восходить наречия и служебные слова, встречается с затруднениями, в настоящее время труднопреодолимыми, о чем свидетельствуют приводимые в работе А. М. Щербака большие перечни слов неизвестного происхождения, принадлежащих к рассматриваемым в ней разрядам, в том числе — к наречиям (с. 41) и союзам (с. 116 и сл.). Немало их и среди других служебных частей речи. По аналогии со словами, происхождение которых достаточно ясно, их можно считать производными от имен или глаго-

лов, но таковые пока неизвестны и, возможно, отчасти не сохранились вообще, и их основы могут быть восстановлены только с реконструкцией исходных форм служебных слов и наречий.

Кроме того, немалое число подобных слов представляет собой заимствования готовых форм, чаще всего союзов, но не только их, из других языков. Помимо заимствований, указанных А. М. Щербаком, а среди них — монголизмов, к числу последних можно отнести тув. *аңӣ* и *аңӣда* (с. 78), *хажӣ* (с. 76), *ужур*, алт. *тӧ* (с. 75); ср. также к.-калп. *кӧлдэнэң* «поперек» (с. 41) и ст.-письм. монг. *köndeleng* «поперек; наперерез».

В плане установления происхождения многих слов рассматриваемых в исследовании А. М. Щербака разрядов предстоит еще немалая работа, объем которой, а в определенной степени и направление поиска четко обрисованы автором. А. М. Щербак подчас высказывает плодотворные догадки, касающиеся этимологии. Одной из таких догадок нам представляется версия о происхождении прилагательного и наречия типа др.-тюрк. *тӧбӱн* «вниз», караим. *тӧбэн* «опрокинутый», уйг. *тӧвӭн* «низкий» и т. п. (с. 41) (ср. также др.-тюрк. *тӧпӱн* «вниз», тув. *дӧ'вӱн* «внизу; находящийся далеко внизу»). Автор указывает на существование омонимного ряда с прямо противоположным значением: др.-тюрк. *тӧбӱ*, караим., ног. *тӧбэ* «макушка, темя, вершина», хотя, к сожалению, лишь ограничивается этим указанием.

Между тем подобные омонимы или, скорее, антонимы (чаще всего носящие межъязыковой характер) — явление, отнюдь не уникальное для тюркских языков, хотя оно воспринимается как нечто такое, что «несколько необычно» (как, например, выражение значений типа «ров» и «вал» у *ор* и его соответствий) [5, с. 467]. Ср. также *чат* ~ *шат*, *чинг* и его соответствия, обозначающие положительные и отрицательные формы рельефа [6, с. 608—609, 616].

Подобное наблюдается и в случае, рассматриваемом А. М. Щербаком, хотя здесь налицо некоторые формальные различия обозначений для низа и верха: наличие элемента *-н* в первых из них и отсутствие во вторых, что связано, скорее всего, с различием словообразовательных формантов [хотя указанный элемент присутствует не всегда: ср. салар. *тӧвӱ* «низ» (в служ. знач.)].

Вместе с тем среди соответствий слов типа *дӧбӱ* «макушка, вершина» к числу весьма распространенных относятся неогубленные варианты *дэпэ* ~ *тэпэ*, что наводит на мысль о связи с общетюркским глаголом *дӓп-* ~ *тӓп-* «лягать(ся); пинать», означающим также, с одной стороны,— «копать, рыть, вскапывать, разрыхлять», а с другой — «выбиваться (на поверхность), вздуваться, нарывать, подниматься, подпирать (о воде)» [7, с. 195—196]. Наличие такой семантики объясняет появление среди производных от подобного глагола слов с приведенными выше противоположными значениями. Среди явно производных от *дӓп-* ~ *тӓп-* также можно встретить слова-антонимы. турк. *дэпіз* «солончаковый бугорок», тув *те'вис* (чаще — *кара те'вис*) «разрытая (копытами) земля: снег, разрытый до земли».

Заметим также, что в тюркских языках у названного глагола есть сходный с ним по семантике и внешнему облику, но характеризующийся огубленным вокализмом глагол *дӧв-* < **тӧп-* (каз. *тепе-*) «бить, колотить» [7, с. 270—271].

Уделяя значительное внимание проблемам происхождения конкретных слов, А. М. Щербак, к сожалению, не всегда достаточно критично оценивает имеющиеся этимологии и порой примыкает к тем версиям, которые имеют больше сторонников, не рассматривая альтернативные возможности объяснения происхождения слов, что заметно на примере с послелогом *ӱчӱн* ~ *учун* «для, ради, из-за» (с. 91—92). Автор считает наиболее вероятной версию, разделяемую рядом исследователей и возводящую послелог к *уч* «конец, цель» (?).

Это выглядит нелогичным в фонетическом аспекте. Во-первых, у слова *уч* тюркологами восстанавливается «первичная» долгота; у соответствующего же послелога повсеместно отмечается начальный краткий гласный. Во-вторых, судя по источникам, в более древних памятниках (как, впрочем, и в основной части современных тюркских языков) преобладает вариант с «мягкорядным» вокализмом (типа *ӱчӱн*), тогда как «твердорядный» вариант отмечен лишь в части «живых» языков. Поэтому у архетипа послелога логично было бы предположить именно переднерядный вокализм.

В связи с этим, думается, более обоснована версия О. Бётлингка, которая А. М. Щербаком только упомянута и согласно которой послелог своим происхождением связан с *іч* «внутренности, нутро». Эта версия может быть подкреплена со стороны семантики. С ней лучше согласуются и морфологические варианты послелога, характерные, в частности, для туркменских диалектов: *ӱчі*, *ӱчӣні*, *ӱчӱр*; *ӱчрі*, *ӱчрӣн*, *ӱчӱрӱн* (см. [5, с. 643; 4, с. 496]), однако детализация этой этимологии выходит за рамки рецензии.

Хотя семантика слов, принадлежащих к рассматриваемым в работе А. М. Щербака разрядам, претерпела по сравнению с соотносительными с ними «представите-

лями» знаменательных частей речи заметные изменения, все же в тех случаях, где элементы лексических значений сохраняются, порой есть основание усомниться в реальности тех смысловых изменений, которые приписываются определенным словам. Так, семантически недостаточно убедительно выглядит трактовка союза *азу* ~ *азі* «или» как «слитного» деепричастия от *аз-* «заблуждаться» (с. 117), что исследователями отмечалось неоднократно. Этому препятствует, кажется, и наличие в тув. *а'зі* «или» фаринализованного гласного, которого нет в указанной глагольной основе.

Едва ли также можно согласиться со сближением послелогов типа *тобра* ~ *добру* «прямо», связанного с глагольной основой (др.-тюрк.) *тобур-* «идти напрямик», и тув. *дöбра*, хакасск. *тобір* «поперек» (с. 88) и им подобных (см. также [7, с. 250—251]) Последние, судя по всему, явно гомогенны с хакасск. (саг.) *тобур-* «отстраняться, отходить в сторону», уйг. (диал.) *тобра-* «ехать на животном, свесив ноги на одну сторону», и необходима мотивировка их родства с др.-тюрк. *тобур-*.

В заключение нельзя не высказать сожаления по поводу длительности срока прохождения готовой рукописи к изданию: работа над ней была завершена примерно за восемь лет до выхода книги в свет, поэтому в ней могли быть учтены только научные публикации, появившиеся до 1980 г. (с. 5). Вместе с тем отметим как несомненно отрадный факт завершение А. М. Щербаком работы над своим многотомным капитальным исследованием: в темплане 1991 г. отмечен предстоящий выход последнего, V тома сравнительной грамматики, под названием «Введение в сравнительное изучение тюркских языков», которого мы ждем с большим интересом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
2. *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977.
3. *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1981.
4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.
5. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные) М., 1974.
6. *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.
7. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980.

Татаринцев Б. И

Volek B. **Emotive signs in language and semantic functioning of derived nouns in Russian.** Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins publishing company, 1987. 270 p.

Монография Б. Волек посвящена сложной и актуальной проблеме эмотивности языка. Литература по данной проблеме довольно обширна. Однако ни одна из работ не является обобщающей [1—2]. В этом плане появление книги Б. Волек следует не только приветствовать, но и высоко оценить, т. к. она содержит интересные и нередко новые наблюдения, выводы и аргументацию по кардинальным вопросам эмотивной семантики языка. Вплоть до недавнего времени эмотивность считали «несемантической» сферой языка, относили к маргинальным явлениям, якобы нарушающим систему и грамматические нормы. В лучшем случае эмотивность упоминалась в научной литературе лишь как стилистическая или фоно-стилистическая черта языка (ср. [3, 4]).

Напомню, что на материале разных языков делались определенные попытки инвентаризации лексических, синтаксических и фонетических средств выражения эмоций и их классификаций по различным основаниям. Вплоть до 80-х годов в лингвистике не ставилась, однако, задача рассмотреть с позиций семантики, синтактики и прагматики эмотивное поле языка как некую семиотическую по своей функции систему. Б. Волек сумела вывести давнюю и чрезвычайно перспективную проблему эмотивных знаков языка из узких рамок генеративной лингвистики в области антропологической (роль человеческого фактора в языке), прагматической (взаимоотношение языковых знаков с говорящими-слушающими в конкретных речевых ситуациях), социальной (зависимость средств выражения эмоций от национальной специфики языковых обществ) и когнитивной (эмоции и познание) лингвистик. Решение та-